

можно так выразиться, отсутствующий опыт «пребывания богом». Такой опыт, безусловно, труден для осуществления даже в воображении. Но, тем не менее, возможность пережить его, даже будучи предельно виртуальной, поднимает Стругацких (чья жизнь проходила в эпоху СССР), на совершенно новый экзистенциальный уровень. (См.: Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Максим Камеррер: трилогия: Обитаемый остров. Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. М.; СПб., 2009. 699 с.).

ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ»

Н. И. Савцова

кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Понятие «опыт» является категорией, которая широко используется во всех философских системах, хотя можно согласиться с утверждением Х.-Г. Гадамера, что «как бы парадоксально это не звучало, опыт относится к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем»¹⁵⁸. То же самое можно сказать и о понятии «интеллектуальный опыт». На различия в их содержании обычно не обращают внимания, хотя оно довольно существенное. Это обстоятельство обусловлено различием отношения человека к миру, его возможностями понимания этого мира. Уже в античной философии понятие опыт используется для объяснения качественных различий между миром животных и человеком. «Эмпирий», «мнеме», «софия», «техне» – понятия, которые выражают содержание качеств, присущих только человеку. Подобных качеств нет у животных, поэтому отношение человека к миру и является совершенно иным (Анаксагор). Мир природы и мир человека – два разных мира. Постепенно у человека развиваются способности разными способами познавать окружающий его мир. Непосредственный опыт является всего лишь одним из способов познания. Уже Парменид определил границы непосредственного опыта при познании бытия: путь «приемлемых» мнений, ошибок, заблуждений – это то, что связано с чувственным опытом. Для постижения Единого (сущего) человеку необходим другой опыт – опыт разума, опыт теоретических размышлений, который открывает возможность познания абсолютной истины. Абсолютная истина, или София, является высшей мудростью. Непосредственный опыт не дает возможности человеку выйти за пределы кажимости, видимости. Поэтому сфера высшей мудрости для него сокрыта. Таким образом, опыт ото-

¹⁵⁸ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 409.

ждествляется со знанием, которое человек приобретает в процессе индивидуального проживания, где перед ним открывается житейское, непосредственное, необходимое, повседневное его жизненно-го мира.

Мир повседневности с трудом поддается теоретическим обобщениям. Он непостоянен, парадоксален, в нем пересекается устойчивое и изменчивое, временное и преходящее, имманентное и трансцендентное. Опыт – это темное, не проясненное знание, сырой материал, который ставит предел сознанию, определяет его границы. Открытие этих границ и есть задача философии. Тем более что повседневный опыт является основой жизненного мира человека, его представлений и ценностей.

Таким образом, в философии сложились две традиции, которые оказали существенное влияние на последующее понимание опыта. Одна подчеркивала недостаточность, ограниченность созданного человеком мира представлений, так как он строился только на основании его повседневных, чувственных переживаний. Другая была связана с пониманием опыта как способа, который выводил человека в совершенной иной мир, мир сознания, разума, который отличался от окружающего его мира и этим ставил человека в особое отношение к нему. Для формирования подобного типа опыта сознания нужна была хорошо развитая способность теоретического мышления. С этой традицией и связано развитие представлений о содержании интеллектуального опыта, и тех элементов, которые определяют его отличие от других форм опыта. В первую очередь, это – принципы, которые человек осознанно противопоставляет сложившимся представлениям о мире. Софисты не случайно столько внимания уделили исследованию сознания, особенно механизма понимания и запоминания, разрабатывая основы педагогического опыта. Он давал возможность понять условия выхода сознания человека за пределы повседневности, с ее традициями и навыками, «разрывал» ее границы и обеспечивал способность действовать, используя возможности рационального познания, которое открывало возможности бытия совершенно иного для человека мира, совершенно иной культуры. Таким образом, софистам удалось произвести подлинную революцию в греческом обществе, показав практическую значимость опыта сознания. Представление о содержании интеллектуального опыта явилось для софистов предпосылкой, которая дала возможность сформировать новый принцип философских размышлений и исследований, определивших дальнейшее развитие теоретической философии. Суть этого принципа в утверждении, что «Человек есть мера всем вещам». В данном случае принцип явился предпосылкой формирования новых антропологических

направлений философских исследований. Поэтому Протагор отказывается от противопоставления «божественного» разума, проникающего в скрытую от человека сущность вещей, разуму человека, для которого такая воткая возможность была закрыта. Он был убежден, что у мира вещей, которые окружают человека, нет никакой скрытой сущности. Есть только сами вещи, которые доступны пониманию человека. Сочинение Протагора начиналось словами: «О богах я не могу знать ни того, что они есть, ни того, что их нет, ни того, как они выглядят».

Греческие философы хорошо понимали значение новой культуры, основоположниками которой они являлись, потому столь четко определяли содержание проблемы, открывающей для них возможность формировать основы интеллектуального опыта, разрабатывать его принципы и развивать их содержания в новых идеях. Последующее развитие содержания опыта шло в направлении, обусловленным принципами и идеями, дающими возможность понимать основания, которые формируют интеллектуальный опыт.

В этом плане обращает на себя внимание, которое уделяет Сократ теоретическому анализу морального опыта. Если натурфилософы с их наивной верой в силу мышления, стремились проникнуть в глубь вещей, познать их последние причины и вывести отсюда весь мир опыта, то Сократ совершенно отказался от натурфилософских умозрений. Он преследует одну цель – доказать своим современникам, что общеобязательные суждения существуют и что нужно лишь уметь их как следует искать, а для этого менее всего была пригодна область философии природы, усеянная массой фантастических гипотез.

Сократ он был убежден, что высшее благо лежит близко, в самом сознании человека, поэтому необходимо научиться понимать самое себя. Если люди в обмене мыслей сумеют вскрыть самообман и привычки своих ходячих представлений, они неизбежно натолкнутся на общее: нравственный разум. Не в безотчетной преданности человек должен признать над собой власть нравственного закона, а путем самостоятельного суждения. Прогресс греческого общества Сократ видел в развитии самостоятельности личности, в воспитании индивидуальной критики и распространении морального опыта. Он сосредоточил свое внимание на анализе метода, который дает возможность развиваться моральному опыту человека. Ирония, майевтика в рамках диалектики, по его мнению, и являются теми методами, которые дают возможность человеку формировать нравственные ценности, сознательно относиться к своему моральному опыту. Мыслительные практики, которые стояли за этими методами, – путь, дающий возможность развития самостоятельных суждений личности, его сознания и самосознания.

Таким образом, ко времени Платона и Аристотеля в греческой философии сложилась устойчивая традиция в понимании опыта, исследованы его формы. Они продолжили и развили эту традицию. По мнению Аристотеля, «Человек, имеющий опыт, считается более мудрым, нежели те, кто имеет (лишь) чувственные восприятия, а владеющий искусством – более мудрым, нежели имеющий опыт, наставник более мудрым, нежели ремесленник, а науки об умозрительном – выше искусств творения».

Именно Платон и Аристотель впервые поставили и исследовали проблему «всеобщей» сущности опыта. Они считали, что она обусловлена не только его познавательной природой, а в первую очередь, его онтологическим содержанием: опыт проявляет себя как опыт, пока его не опровергает другой опыт. В этом коренится принципиальная открытость опыта для нового опыта, а не только в том всеобщем смысле, что ошибки получают исправление. Опыт по самому своему существу стремится к тому, чтобы быть подтвержденным, и потому неизбежно становится другим, если это подтверждение отсутствует. Аристотель предполагает заранее то общее данным, что обретает устойчивость в мимолетности отдельных наблюдений, и преобразует себя во всеобщее, в идею.

Но отмеченное Аристотелем свойство опыта характеризует его содержание только со стороны результата. Опыт же, как процесс, не может быть описан просто «как непрерывное вырабатывание типических всеобщностей». Этот процесс происходит таким образом, что опыт опровергает ложные обобщения, и то, что считалось типическим как бы дегипицируется¹⁵⁹.

Опыт становится опытом сознания, которое стремится к своей собственной достоверности, «совершая свои собственные опыты». Опыт получает свое завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для нового опыта, которая возникает благодаря самому опыту.

Несомненным достижением Аристотеля является идея о неотжественности интеллектуального опыта не только чувственному, но и научному опыту: «...имеющие опыт знают «что», но не знают «почему», – пишет Аристотель в «Метафизике»: «Опыт не есть сама наука, а лишь необходимая предпосылка» этой последней, «наставники мудры не благодаря умению действовать, а потому, что они обладают отвлеченным знанием и знают причины. Вообще признак знатока – способность научить, а потому мы считаем, что искусство в большей мере знание, нежели опыт, ибо владеющие искусством способны научить, а имеющие опыт не способны». Мудрость занимается «первыми причинами и началами», у опыта таких возможностей нет, поэтому он изначально ограничен, утверждает Аристотель. Подлинный опыт есть тот опыт, в котором человек осознает свою конечность.

¹⁵⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 414.

Гегеля интересовала именно эта сторона в содержании опыта, он «мыслит диалектическое из сущности опыта». Опыт нельзя узнать в заранее данной всеобщности. В этом – открытость опыта разума для нового опыта. Могущество и самоуверенность планирующего рассудка имеет свою границу. Человек уверен, что все можно повторить, переделать, но на самом деле данное убеждение является ошибочным. Живущий и действующий в истории человек постоянно убеждается на своем собственном опыте, что нечего не повторяется. «Подлинный» опыт есть, таким образом, опыт собственной историчности. Ничего не повторяется в истории, поэтому она открыта для будущего. Историчность «разрывает» узкие предрассудки и обманчивые ассоциации, которые с неизбежностью усваиваются теми, кто ограничивает себя рамками единственной теоретической системы или школы.

Рассматривая интеллектуальный опыт как опыт сознания, в первую очередь, теоретического, философская традиция связана с пониманием его методологической значимости, которая состоит в том, что интеллектуальный опыт дает возможность понять, что деятельность разума направлена не вне сознания, а на развертывание его собственного содержания. В данном случае деятельность сознания (разума) проявляется как свободное когнитивное творчество, самодостаточное в себе и для себя. Логические отношения, которые имеют место только в сфере сознания, характеризуют онтологический статус интеллектуального опыта. Это не репрезентация информации об определенной предметной реальности, а характеристика способности теоретического мышления понимать возможности и границы своей собственной конструктивной деятельности.

РОЛЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ПОЗНАНИИ У Ф. НИЦШЕ И М. ХАЙДЕГГЕРА

Е. В. Хузина

*студентка 3-го курса философского факультета Уральского
федерального университета имени первого Президента России*

Б. Н. Ельцина

*...Почему же нас совершенно не касается то, что нас сбивает с пути?
Почему? Ответ: потому что наше отношение к понятному и наиболее
близкому с давних пор является притупленным и смутным. Ведь путь
к близкому для нас, людей, в любые времена самый длинный
и поэтому самый трудный¹⁶⁰.*

М. Хайдеггер. Положение об основании

Вся новоевропейская философия была проникнута рационализмом. Как уходит от этой традиции, пытаются ее преодолеть та-

¹⁶⁰ Хайдеггер М. Положение об основании. СПб., 2000. С. 20.